

Дмитрий Юрьев

Режим Путина. Постдемократия

«Европа»

Юрьев Д.

Режим Путина. Постдемократия / Д. Юрьев — «Европа»,

Со сталинских времен в ткань русского языка вплелось негативное отношение к слову «режим». Режимы были только «у них» и только диктаторские: Франко, Салазара, Чанкайши, Пиночета... Лишь профессиональный язык механиков сохранил натуральный исходный смысл: режим работы двигателя – нормальный. Эта книга о мечте Президента нормализовать работу государственной машины, о стремлении к этому и о множестве барьеров на пути к решению этой задачи. Одни барьеры застарелые, другие порождены отчасти предвидимыми, но все равно внезапными обстоятельствами: от Беслана и казуса Ходорковского до навыков бюрократий, партий и движений, бизнеса и, наконец, всякого российского человека, которому надлежит стать гражданином.

Содержание

Предисловие	5
От автора	7
ДО И ПОСЛЕ БЕСЛАНА	9
КРЕМЛЕВСКИЙ СЛЕД	11
ИХ ПРАВДА – В СИЛЕ	14
МЮНХЕНСКИЙ СИНДРОМ	17
РОЖДЕНИЕ НАЦИИ	19
ПЕРЕВЕРНУТАЯ ПИРАМИДА ВЛАСТИ	23
ИГРА В «СРЕДНИЕ КЛАССЫ»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дмитрий Юрьев

Режим Путина. Постдемократия

Предисловие

Книга Дмитрия Юрьева ставит перед читателями сложнейшие проблемы, связанные с необходимостью посмотреть на постоянно трансформирующуюся систему власти в нашей стране. В ее, во-первых, эволюции за последние пятнадцать лет и, во-вторых, в ее актуальности. Предпринимается попытка представить и обсудить самый масштабный, самый серьезный вызов, который стоит перед всеми нами, перед страной и, может быть, даже перед человечеством – если считать Россию его существенной частью.

Сумеет ли Россия ответить на этот драматический вызов? И есть ли для этого необходимые ресурсы и рычаги? Перед вами – книга чрезвычайной трезвости в анализе всех составляющих социального развития страны. Нелицеприятная, жесткая в формулировках, дающая диагноз практически всем силам, определяющим социальные процессы последнего времени, эта книга ставит те самые вопросы, которыми задается сегодня не только каждый аналитик, гуманитарий, философ, политтехнолог или член политического класса, но и самый обычный человек, способный задумываться о собственной жизни и настоящем моменте.

Мне не очень нравится слово «режим» в названии – поскольку оно, особенно в советской традиции, отягощено рядом негативных смыслов (а это важно – нам потребовалось почти пятнадцать лет, чтобы вычерпать негатив, отягощающий такое понятие, как, например, «бизнес»). «Режимом» называли противоестественную, неправильную власть, то, что не укладывалось в представления о «власти миллионов». «Системный проект Путина» – так бы я определил то, о чем пишет Дмитрий Юрьев. Рассматривается и закономерность появления этого проекта, и его гигантские заслуги, и бесконечные драмы, связанные с его имплантированием в социокультурные матрицы протофеодальной российской реальности.

Мне показалась очень важной тема, которая обсуждается на протяжении всей книги – тема потенциального выхода на объяснение смуты, тема «опричной природы» наших властно-общественных отношений. «Несостоятельность элиты, распад интеллигенции снова ставят страну на грань смуты» – эта короткая формулировка связывает перспективу смуты с огромным количеством источников формирования разного рода социальной, идеологической и – шире – мировоззренческой «туфты» (это – тоже формулировка из книги) и видится мне существенной, потому что я тоже считаю, что «туфта» – это особая форма столь привычного и столь опасного для России воровства.

Есть еще один тезис, который я не встречал ранее и который поначалу может показаться критическим, даже обличительным по отношению к «системе Путина» – точный и по-юрьевски образный тезис об «узурпации ответственности»: «над страной нависает призрак солипсизма», институт главы государства не имеет собеседника, кроме самого себя. Эта, казалось бы, объективная и наглядная ситуация, которую весь интеллектуальный класс России фиксирует на протяжении нескольких последних лет, в книге Юрьева возникает и формулируется как трагическая. Это кажется мне не менее актуальным, чем другой тезис – о том, что «проблема преемника», в которую на ближайшие два-три года втягивается весь истеблишмент России, – проблема если не ложная, то, по крайней мере, второстепенная по сравнению с ответом на важнейшие вызовы, связанные с формированием новой социально-политической реальности в России. То, что в ближайшие месяцы и годы все будут жевать как проблему номер один, по Юрьеву – абсолютно вторично. Проблема преемника может обсуждаться лишь постольку, поскольку само общество – в том числе с помощью Путина – окажется способным найти ответ

на вызов новой социально-политической и социально-культурной реальности, на новые мировые контексты. Имеет значение лишь то, сумеет ли Путин как лидер «системного проекта» осознать то, что в книге называется «балансом интересов», и выстроить систему своих действий именно как проект.

Какие-то моменты Юрьев только констатирует. Это, прежде всего, отсутствие на горизонте политических фигур, сомасштабных таким ее разным демиургам, как Ельцин и Путин. Сегодня ни в окружении президента, ни в какой-либо субкультурной среде (интеллектуальных, художественных, экономических «кланов»), не видно лидеров, обладающих тем колоссальным ресурсом воли и ясновидения, который, как об этом говорил де Голль, необходимо иметь для того, чтобы из самой постановки вопросов и просветленного их понимания возникал проектный и деятельный ресурс изменения нашей национальной истории.

В меньшей мере – может быть, это и правильно – описан в книге вариант, альтернативный «прорывному». Путь, который автор образно назвал «фатальным выкидышем». Это – та самая ситуация, когда при отсутствии в стране «партии национального прогресса» активизируются те силы ксенофобского, радикально-националистического характера, которые абсолютно четко, однозначно и – в потенциале – катастрофично противостоят главному стремлению Путина: раскрыть систему, открыть страну, продолжая предоставлять ей максимальные возможности.

Проблема «третьего срока Путина» – и это одна из основных идей книги – не в преемственности власти, а в постоянном выборе. Может быть, речь идет об очередном «квантовом скачке» в российской истории, об уже привычной развилке, на которой мы чуть ли не каждые десять лет осуществляем такой выбор. И книга Дмитрия Юрьева показывает, что, несмотря на достижения путинского «режима» – используем этот термин автора, – несмотря на его ограничения, на долгий путь обуздания «олигархов» (который в книге рассматривается очень подробно), несмотря на все накопления роста, которые сегодня есть в стране, нужный стране результат этого главного выбора все-таки возможен. Хотя очень и очень проблематичен. Я имею в виду выбор, который сделает страну действительно современной и впишет ее в тот цивилизационный контекст развития человечества, из которого пути назад уже не будет.

Даниил Дондурей,
главный редактор журнала «Искусство кино»

От автора

Режим Владимира Путина – каков он есть на исходе первой половины второго срока правления второго президента России – подводит черту под очередным этапом российских трансформаций. Этот режим – реальное, живое социально-политическое образование. Он не имеет отношения ни к официозным пропагандистским клише, ни к оппозиционным страшилкам, у него – свое историческое наполнение.

Парадокс восприятия путинского режима сегодня в том, что, как это часто бывает в России, общественное мнение живет сегодняшним днем, мгновенно забывая о вчерашнем и с ужасом вглядываясь в завтрашний. И поэтому достаточно очевидные и значимые результаты первой путинской пятилетки – выход из тотального кризиса власти, реабилитация российского национального суверенитета, существенное снижение уровня прямой угрозы конфедералистского распада и социального хаоса, в общем, сохранение России для будущего, – меркнут перед охватывающей массы тревогой в преддверии этого будущего.

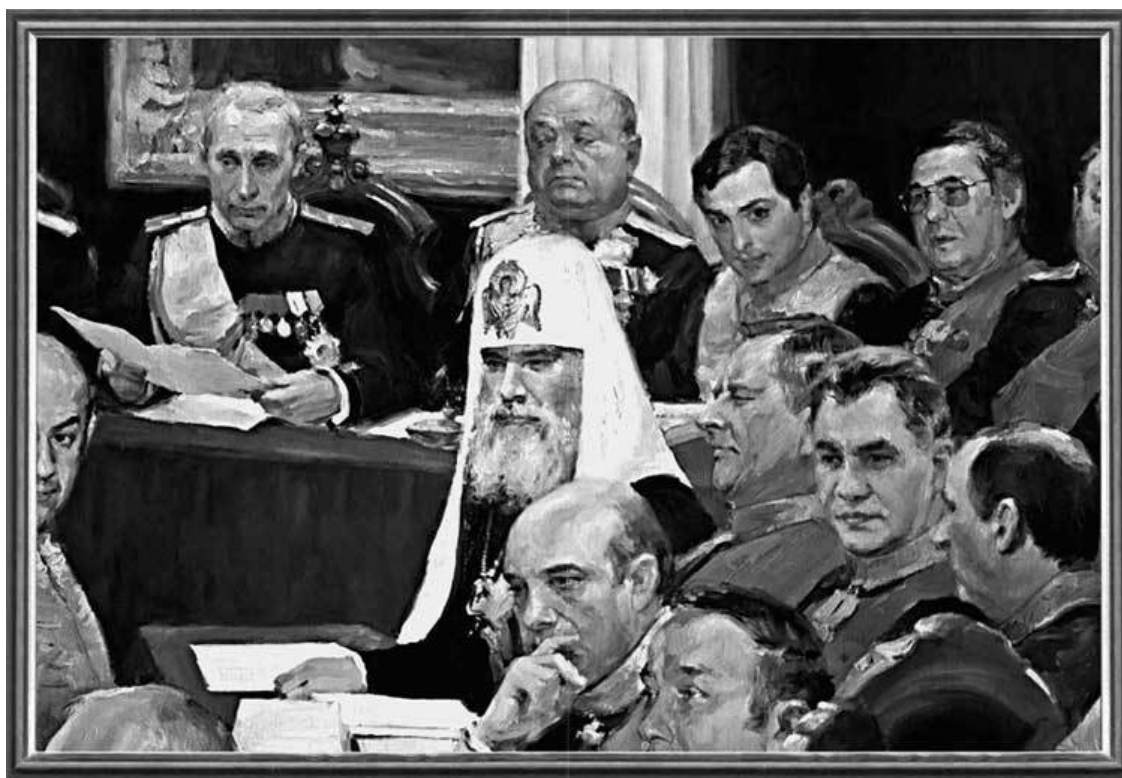
Между тем, режим Путина – это не только живая, но и достаточно сложная реальность. Она складывается из разных факторов – объективных и субъективных; она уже прошла через несколько этапов: от «комитета кремлевского спасения», в отчаянии сплотившегося в коридорах Старой площади летом 1999 года, через «центр стратегических разработок» и всевозможные проекты либеральной модернизации 2000–2002 годов к «сентябрьской политической системе» 2004 года, которая кардинально меняет структуру имотивацию деятельности власти в России после Беслана, украинской «революции» и «монетизации льгот».

И вовсе не столь важно, каковы личные устремления ключевых фигур режима – в том числе самого Путина. Не столь важно и то, пойдет ли Владимир Путин на третий срок и если не пойдет, то будет ли он воспроизводить операцию «преемник». Важно другое – даст ли путинская постдемократия шанс на преемство жизни России. И в этом смысле итоги правления Путина по состоянию на сегодняшний день – это далеко не подведенная черта. Будущее начинается сегодня, хотя и вырастает из «вчера».

Предлагаемая вашему вниманию книга – попытка системного взгляда на реальность режима Владимира Путина в его историческом, психологическом и социальном единстве.

Эта книга сложилась из нескольких частей. Одни тексты – новые, написанные специально для книги в течение последнего года, другие стали результатом переработки статей, опубликованных в 2000–2005 годах в журналах «Эксперт», «Деловые люди», в «Русском журнале» и в газете «Известия» как за моей подписью, так и в соавторстве. Я искренне признателен Александру Асмолову (важные идеи из совместной публикации в «Эксперте» за апрель 2000 года использованы в четвертой главе этой книги) и Наталье Савёловой (фрагменты совместных публикаций в «Эксперте», «Деловых людях» и «Новом мире» за 2000 год использованы при подготовке II–V глав). Я благодарен Модесту Колерову – соавтору идеи этой книги, а также Максиму Мейеру и Кириллу Танаеву за содержательные обсуждения.

Дмитрий Юрьев

ДО И ПОСЛЕ БЕСЛАНА

Мы все ожидали перемен. Перемен к лучшему. Но ко многому, что изменилось в нашей жизни, оказались абсолютно не подготовленными. Почему?

Мы живем в условиях переходной экономики и не соответствующей состоянию и уровню развития общества политической системы. Мы живем в условиях обострившихся внутренних конфликтов и межэтнических противоречий, которые раньше жестко подавлялись господствующей идеологией. Мы перестали уделять должное внимание вопросам обороны и безопасности, позволили коррупции поразить судебную и правоохрнительную сферы. Кроме того, наша страна – с некогда самой мощной системой защиты своих внешних рубежей – в одночасье оказалась не защищенной ни с Запада, ни с Востока.

...В общем, нужно признать, что мы не проявили понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире в целом.

Во всяком случае, не смогли на них адекватно среагировать. Проявили слабость. А слабых бьют.

...Мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности, потребовать от наших правоохрнительных органов действий, которые были бы адекватны уровню и размаху появившихся новых угроз. Но самое главное – это мобилизация нации перед общей опасностью.

Владимир Путин

Обращение к народу (4 сентября 2004 г.)

Кремлевский след террористических атак. – Медийные задачи террора. – Непримеченный слон (забытая история генерала Дудаева). – Атавистический реванш. – Мюнхенский синдром против логики Нюрнберга. – Террористический вызов и рождение нации.

То время в истории России, которое будут связывать с именем Владимира Путина, не сводимо к трагедии Беслана – равно как оно не сводимо ни к трагедии «Норд-Оста», ни к триумфальной поддержке президента на выборах 2004 года, ни к последним месяцам ельцинского президентства, удивительным месяцам неуклонной трансформации общественного мнения от раздраженного отчаяния к охватившей всех и сразу надежде на неминуемое и скорое лучшее будущее.

Однако начать придется с Беслана. Просто потому, что именно в тех трех черных сентябрьских днях в 2004 году сконцентрировалась острейшая государственная недостаточность России – недостаточность, вызвавшая к жизни общественные ожидания, которые стали основой для прихода Владимира Путина к власти в 1999–2000 годах, недостаточность, как никогда остро осознанная и провозглашенная президентом в его телеобращении 4 сентября 2004 года.

Общественное сознание, оглушенное и взорванное бесланской трагедией, было в те дни не готово услышать президента. В какой-то степени не услышало оно его и по сегодняшний день. Слишком несоизмеримыми представляются российскому обществу ужасы массового детоубийства – и проблемы недееспособности государственного механизма.

Возможно, президент Путин нашел не лучшую форму для своего заявления. Он довольно часто – особенно в последнее время – бывает не очень точен в выборе слов и интонаций. Но очевидно и другое – по существу он в те дни говорил действительно о самом важном. О колос-

сальном кризисе государственного строительства. О нарастающей угрозе национальной несостоятельности России как социально-политического организма. О том, что под удар поставлена надежда, охватившая многих в те сентябрьские дни 1999 года, когда он, новый глава правительства России, в первый раз высказался публично, резко и от первого лица – по мнению многих, неудачно и грубовато, по мнению большинства, в самую точку: потому что общество не могло больше выносить отдельного от государства, незащищенного существования, не могло и не хотело оставаться беззащитным перед лицом террористов, воплотивших в своей звериной силе всю безнадежность государственного бессилия.

Шрам Беслана – как прежде шрамы «Норд-Оста», Каховки и Буденновска – останется надолго, возможно, навсегда. Продолжатся расследования – удачные и не очень, честные и лживые, профессиональные и имитационные. Продолжатся мучительные воспоминания одних и циничная пиаровская эксплуатация этих воспоминаний другими. Тем очевиднее становится, что спустя год (и годы) тема Беслана, равно как и тема «Норд-Оста», и в целом тема террора, – останется самой болевой точкой российской государственности, точкой, под углом зрения с которой рассыпаются политические теории и административно-бюрократические планы, пиаровские и силовые спецоперации. Потому что с этой точки зрения особенно очевидным становится реальный смысл российских трансформаций, не сводимый ни к политическим реформам, ни к идеологическим спорам. Смысл, заключающийся в решении самого жесткого вопроса о будущем страны и проживающих в ней людей.

КРЕМЛЕВСКИЙ СЛЕД

Забытый сегодня герой вчерашних дней Тельман Хоренович Гдлян¹ в свое время любил отвечать на вопросы о прославившем его «узбекском деле» словами: «Это не узбекское дело. Это московское, кремлевское дело!» Слова Гдльяна, как это ни прискорбно, в полной мере относятся к Беслану – равно как и к «Норд-Осту», и ко всем минувшим и будущим террористическим атакам на Россию.

Речь здесь вовсе не идет о пустых банальностях вроде «террористов, которые не имеют национальности и религии» (еще как имеют). Речь не идет и о конспирологических домыслах. Речь идет о совершенно конкретном сюжете, о достаточно простых, лежащих на поверхности вещах: о специфике террора, о его легко прогнозируемых результатах и об общеполитическом контексте, в котором все происходит.

Во-первых, стилистика и специфика терактов. Выбор объектов для захвата – выбор очень точный, очень символический и очень технически грамотный. Беслан – дети, собравшиеся вместе в радостный и торжественный день. «Норд-Ост» – действительно «первый русский мюзикл», оптимистичный, гармоничный проект, можно сказать, первый прорыв к новому, постпереходному национальному самосознанию. Осквернение и унижение этого проекта – равно как и растаптывание детского праздника – удар едва ли не более разрушительный для национального духа (применительно к России), чем удар по нью-йоркским «близнецам». Но для того, чтобы все это понять и просчитать, нужно смотреть исключительно из Москвы.

Прежние чеченские террористические спецоперации были начисто лишены такой содержательной и технической изощренности – вторгнуться в пределы России и захватить побольше заложников (Буденновск и Кизляр), пойти на захват сопредельных территорий (Дагестан), затерроризировать мирных жителей (Москва, Каспийск и Волгодонск) – вот типичные стратегии, рожденные в основном на Кавказе или на Арабском Востоке. «Норд-Ост» и Беслан стали терактами прежде всего медийными, ориентированными на решение главной PR-задачи – задачи разрушения национальной души.

Конечно, целью атак в Москве и Беслане были вовсе не проект «Норд-Ост» и не захваченные дети. И даже не действующая российская власть. Совершенно очевидно, что за минувшие после Буденновска и Первомайского годы военная мощь России, оперативные возможности спецслужб вряд ли возросли. Изменилось другое – появилось определенное общественное спокойствие, базирующееся на кредите доверия к президенту. Теракты в Беслане и в Театральном центре на Дубровке, то, как они были спланированы и как реализованы, с очевидностью имели единственной целью демонстрацию бессилия власти и лично президента – вне зависимости от того, какой вариант действий они выберут. Положение изначально и целенаправленно выстраивалось как безвыходное – именно для того, чтобы власть (в лице Путина) в принципе не смогла никуда деваться.

Вспомним Буденновск. Там у банды Басаева была четкая и ясная цель, лежащая в рамках военных действий в Чечне.² Захват заложников в Буденновске позволил добиться решения поставленной задачи – в течение нескольких дней. Наступление российских войск было

¹ Тельман Гдлян – следователь по особо важным делам Генпрокуратуры СССР – стал, вместе со своим коллегой Николаем Ивановым, одним из живых символов «перестройки». В конце 80-х гг. группа под руководством Гдльяна вела громкие уголовные дела против высших номенклатурных чиновников Узбекистана (т. н. «узбекское дело») – по некоторым сведениям, вела в грубой, подлинно советской, манере. В 1988–1989 гг. Гдлян и Иванов стали на время проходными пешками в кремлевской (внутри Политбюро) политической борьбе, были избраны народными депутатами СССР и РСФСР, но в ферзи так и вышли. В 1989 г. главным слоганом Гдльяна было утверждение: «Это не узбекское, это московское, кремлевское дело» (далее делались намеки на некоторых руководителей ЦК КПСС).

² Боевикам нужно было остановить активную наступательную операцию Российской армии, близившуюся к завершению, и втянуть власть в переговоры.

остановлено, время для перегруппировки получено, переговорный процесс российской власти навязан. И – попутно – нанесен еще один удар по общественному доверию к государству и армии.

В случаях с Бесланом и «Норд-Остом» все было совершенно не так. Уже к концу 2002 года в Чечне не происходило ничего, что нужно (и возможно) было бы остановить единомысленно. Боевики рассредоточены и неподконтрольны. Российские спецслужбы существуют стационарно и время от времени вступают с боевиками в эпизодические столкновения. Вывод войск – предположим, что он бы действительно начался – не просто многомесячный процесс, но процесс, не имеющий «стартовой точки» (вроде остановки боевых действий летом 1995 года). Да и поведение террористов в обоих случаях вовсе не было похоже на вполне прагматичную в своей людоедской сути логику поведения Басаева образца 1995 года: неопределенность, невнятность и постоянная смена содержания их требований заставили бы думать об отсутствии четко осознанной цели терактов – что никак не согласуется с их профессиональным, четким и хорошо просчитанным планированием. То есть цель, конечно, была. Но она была другая – и вовсе не вывод войск из Чечни.

Более того, сегодня легко понять, что при любом исходе терактов в Москве и Беслане о возможности какого-либо мирного урегулирования в Чечне, подразумевающего переговоры с представителями боевиков, не было бы и речи. Компромисс – через уступки и публичное унижение России – или трагедия с заложниками – и то и другое привело бы разве что к резкому росту античеченских настроений, к дальнейшей эскалации, к новой санкции со стороны общественного мнения на исключительно силовой вариант решения «чеченской проблемы», в конце концов – к усилению силового давления на чеченских террористов (что, в конечном счете, произошло).

Нет, с очевидностью – в обоих случаях – Путину устраивались обычные бандитские «вилы», и при любом исходе кризиса должна была быть подорвана основа того мандата, который в конце 1999 года выдало президенту российское общество.

Вот почему мы говорим о «кремлевском», а не чеченском следе – потому что цели, задачи и последствия террористических атак вполне ясны, но расположены исключительно в «кремлевском поле» и нацелены исключительно на внутрироссийскую проблематику. А это может быть в единственном случае – если авторами «проекта» являются субъекты российской, центральной, кремлевского уровня политики.

Вот мы и дошли до общеполитического контекста, в котором развивается драма. А контекст этот состоит из самых разных вещей. В частности, из известного пророчества о том, что президенту Путину не пережить и половины его первого президентского срока.³ А также из новостной ленты, с которой начался день 23 октября 2002 года, закончившийся норд-остовским кошмаром⁴ (вот тут, в отличие от боевых действий в Чечне, действительно было что-то, что нужно пресечь и остановить немедленно – а то поздно будет! – как чеченским боевикам в 1995 году).

Впрочем, ограничивать контекст «Норд-Оста» и Беслана темой исключительно Березовского не стоит (хотя очень уж разит – в бесланском случае, с изготовленными заранее для переговоров Масхадовым в Чечне и Закаевым в Лондоне, – особенно). Вопрос в другом – единственный результат, который могли и должны были обеспечить любые варианты развития событий после Беслана и «Норд-Оста», – это политический переворот, это сокрушительный удар и по нынешней конфигурации власти, и по всей системе власти в целом, это атака, направ-

³ «Пророчество» принадлежит Борису Березовскому, который именно тогда стал «лондонским невозвращенцем».

⁴ Утром 23 октября 2002 г. появились сообщения о выдвижении очередных обвинений против Березовского и о возможном аресте принадлежащего ему в России имущества.

ленная на решение глобальных задач, задач, среди которых смена государственного руководства страны – далеко не единственная и даже не главная.

ИХ ПРАВДА – В СИЛЕ

После Беслана и «Норд-Оста» отступить стало не то чтобы некуда – а даже и незачем. Москва (и Россия) не позади, она – непосредственно под ударом.

Кстати, сразу же после «Норд-Оста» некоторые «комментаторы», включая бывшего министра культуры и госбезопасности «Чеченской Республики Ичкерия» Ахмеда Закаева (против которого политкорректная и демократичная судебная система Великобритании не имеет ни малейшего заслуживающего доверия судебного материала), принялись рассуждать о том, что за терактом в Москве не могли стоять Аслан Масхадов и его бандгруппа, потому что «не могли же они не понимать, что после такого их позиции только ослабнут и ухудшатся – и в России, и в мире».

Подобное утверждение можно было делать только в такой России и в таком мире, где массовое сознание вечером стирается, чтобы утром заполняться по чистому листу, каждый раз – с новой телекартинки. Потому что весь предшествующий опыт чеченского бандитизма свидетельствовал ровно об обратном. Вся история «чеченской войны» – это вовсе не история неуступчивости или экстремизма со стороны российской власти (вариант) или российской власти и ичкерийских сепаратистов (другой вариант). Это – история раскручивающейся спирали уступок (вариант – сдач, вариант – предательств) со стороны российской власти и нарастания давления (при одновременном усилении позиций) со стороны бандитов. С единственным (временным) выпадением из этой логики в конце 1999 года. Это – история добровольного (хотя и вынужденного) предоставления политической площадки для использования ее в качестве инструмента реализации глобальной диверсионно-криминальной программы, направленной на исключение России из правового и политического поля современной цивилизации вообще.

Традиционное чучело истории «чеченской войны» всем хорошо знакомо: самодур-Ельцин, не найдя (потому что самодур) времени для небольшого разговора с почти что советским генералом Дудаевым, предпочел, под давлением своих недалеких и непрофессиональных советников (Грачев, два десантных полка, далее везде...), начать войну. И пошла накрутка взаимных жестокостей, ненависти и вражды. А счастье было так возможно!

Реальная история выглядит немного по-другому. Начиная с 1990 года отказы от сотрудничества с российской властью раз за разом следовали за очередными демонстрациями слабости, уступчивости, готовности к переговорам.⁵ Всякая слабость или уступка России влекла за собой не просто ужесточение позиций – но остервенение Дудаева. Публичные заявления «советского генерала» ничем не отличались от более поздних филиппик Масхадова, Басаева, Удугова, Мовсара Бараева или бесланского «полковника»: откровенная демонстрация предельного презрения к федеральной власти, столь же демонстративное прощупывание этой власти «на слабо» (грубыми угрозами, расистскими выпадами в адрес России и русских, публичными беззакониями – вроде силового разгона умеренной оппозиции в Грозном или смертных казней с выставлением напоказ отрубленных голов на площадях аулов).

Как и возобновление боевых действий в 1999 году, ставшее последней попыткой удержать терроризм хотя бы в пределах Чечни, так и конец 1994 года всего лишь подводил черту под развитием событий в предыдущие два года – когда из месяца в месяц, раз за разом захватывались автобусы с заложниками в южных районах России – с последующим уходом снабженных деньгами бандитов на территорию Чечни; когда разворовывание поездов, нефти, поставлен-

⁵ В течение 1990–1991 гг. в Чечено-Ингушской АССР набирал силу экстремистский «Объединенный комитет чеченского народа». В сентябре 1991 г. власть в Чечне по праву самозахвата узурпировал ОКЧН во главе с Дудаевым. В течение сентября – октября 1991 г. была сорвана попытка ввести в Чечне чрезвычайное положение (против Ельцина и инициатора указа – вице-президента Руцкого выступили Верховный Совет РСФСР и еще действовавший главнокомандующий – президент СССР Горбачев).

ный на поток коммерческий киднеппинг, а также изгнание русского населения из дудаевской Чечни нарастали лавинообразно.

Позор Буденновска в 1995 году влечет за собой не только провал в Первомайском, но и изменение характера войны: преданные общественным мнением собственной страны и не имеющие решительного руководства российские солдаты противостоят с этого момента обнаглевшим и почувствовавшим новый, федеральный масштаб своего разбоя собеседникам премьера Черномырдина. Сдача Грозного в августе 1996 года и хасавюртовский сговор ведут не только к преступному оставлению без помощи и защиты со стороны российского государства законопослушных чеченцев и русских жителей Чечни – «легитимное руководство Ичкерии» раскручивает криминальный бизнес (в том числе такой, как нарко- и работорговля), устанавливает связи с международным террористическим конгломератом, а главное – формирует на территории Чечни и России криминально-террористическую инфраструктуру, включающую стационарные лагеря подготовки боевиков, налаженные каналы проникновения в пределы России арабских и талибских эмиссаров, поставок оружия и поступления финансовых средств. Свободная Ичкерия, практически не скрываясь, готовится к реализации «плана имама Шамиля» – захвату и исламизации Дагестана, всего Северного Кавказа. При этом бывшие участники рейда на Буденновск, палачи русских солдат и убийцы мирных жителей – «премьер-министр Ичкерии» Шамиль Басаев, министр безопасности Турпал-Али Атгериев и др. – преспокойно общаются с официальными лицами России, а некоторые (тот же Атгериев) даже посещают Москву – под официальные гарантии безопасности со стороны российских силовиков. Именно тогда – во времена свободной Ичкерии – формируется московская (да и общероссийская) бизнес-составляющая кавказского террора, создается мировая сеть «представительств Ичкерии».

Банда Мовсара Бараева в 2002 году пошла на Москву не после активизации боевых действий осенью 1999 года, не после устранения Хаттаба или Бараева-старшего – а после очередного военно-политического релакса, охватившего часть российской элиты, после возобновления (на достаточно высоком уровне) разговоров о возможности «политического процесса» с участием «вооруженных диссидентов». Да и бесланская трагедия как-то очень эффектно «срезонировала» с нарастанием пиар-активности «ичкерийских» сайтов, а также с нарастанием внутрироссийской активности разговоров о необходимости «урегулирования конфликта политическими методами с привлечением единственного легитимного лидера сепаратистов».

Вся логика, а также этика и эстетика «чеченского конфликта», ярко выявившаяся в трагические дни Беслана и «Норд-Оста», всего лишь в предельно убедительной форме воспроизводят суть многих лет этого противостояния. А суть такова: жестокость и предательство оправдывают себя сами и заслуживают восхищения. Неспособность на жестокость, нерешительность в применении силы, а тем более готовность к переговорам – признак слабости. Слабость отвратительна, заслуживает презрения, возбуждает жестокость и побуждает к агрессии. Следовательно, практически любая культура, любая система ценностей, выходящая за пределы культа произвола и насилия и вынуждающая к поиску компромисса, к достижению согласия вне законов шакальской стаи, – враг, заслуживающий ненависти и уничтожения.

«Чеченский конфликт», как и «талибский конфликт», «конфликт с Бен Ладеном» и другие аналогичные «конфликты» – это не конфликты интересов, не конфликты сил, и даже не конфликты культур.

Это – негативная, отторгающая реакция на человеческую культуру как таковую. Это антикультура. Это отрицание самой возможности гуманитарных коммуникаций – то есть не то чтобы цивилизованных, но и любых, основанных на обычае, договоренности, суевериях и т. д. межчеловеческих и межгрупповых отношений.

Не место и не время пытаться понять, откуда и каким образом возникла раковая опухоль антикультуры в конце XX века. Возможно, это прямой результат главных достижений нашего «мультикультурального» мира – мира, в котором информационная открытость и отсутствие

непроницаемых границ инициируют безадапционное вовлечение остатков примитивных, докультурных типов общественной самоорганизации в современную информационно-коммуникационную среду. При этом разрушаются архаические типы структурирования и самосохранения этих «докультур» – и их атавистическая энергетика приобретает типичные канцерогенные черты.

Разрушение окружающей цивилизационной среды становится для этого «ракового интернационала» не средством достижения каких-либо целей (политических, экономических, идеологических) – но единственной и сверхценной целью. Наличие любой не основанной на насилии и произволе системы ценностей вызывает террористическую агрессию. И европейско-американские ценности с этой точки зрения – всего лишь первый объект (просто потому, что слишком пафосный и всюду лезет со своими торчащими на весь мир «близнецами»). Столь же враждебны для атавистического сообщества и китайская, и индийская, и традиционная исламская культуры.

Вообще, ислам – вовсе не стержень всемирного онкологического процесса. Совершенно не случайно, что такие вполне исламские – по культуре – и националистические по идеологии режимы, как египетский, турецкий, алжирский, стали одной из главных мишеней для «интернационала» в последнее время. Столь же логичным станет и расширение «атавистического фронта» за счет привлечения неисламских союзников – европейских, американских, русских, китайских и японских маньяков всех мастей и вероисповеданий. И американские конспирологи, поспешившие записать «вашингтонского снайпера»⁶ в ряды «Аль-Каиды», были вовсе не так далеки от истины. Равно как на самом глубоком уровне был прав и президент Путин, упорно связывающий теракты в Беслане и Москве с террористической атакой на Нью-Йорк 11 сентября 2001 года. Это действительно звенья одной цепи, только цепи куда более фундаментальной и сущностной, чем примитивная цепь заговора.

⁶ «Вашингтонский снайпер» – убийца, вернее, двое убийц, совершивших серию жестоких и бессмысленных покушений на рядовых американских горожан (выстрелы из снайперской винтовки производились с большого расстояния по супермаркетам и другим местам скопления людей) в конце 2002 г. Схваченные убийцы оказались «хулиганами» («новыми мусульманами» родом с Ямайки), не связанными с «Аль-Каидой».

МЮНХЕНСКИЙ СИНДРОМ

И вот здесь мы не можем пройти мимо второго, самого неприятного, урока Беслана и «Норд-Оста». Урока, свидетельствующего об опаснейшей утрате человечеством инстинкта самосохранения, о синдроме заложничества, который, по исторической аналогии, правильнее было бы назвать не стокгольмским, а мюнхенским.

Современная «мультикультуральная культура», построенная на принципах толерантности и плюрализма, фетишизирует (и в результате губит) свое главное достижение – гибкость, готовность к переговорам и компромиссам. Абсолютизация принципа «договорного урегулирования» всех конфликтов – последствие привыкания человечества к новому стандарту существования и соответственно отвыкания от жизни в угрожающем, диком, неблагоприятном мире.

XX век стал веком первого глобального испытания человечества на прочность. У испытания было два имени – коммунизм и нацизм. Оба испытания человечество выдержало с горем пополам: в обоих случаях предтечи сегодняшнего атавистического реванша сумели, на определенном этапе, навязать окружающим игру в «умиротворение агрессора» (мюнхенский сговор) или в «мирное сосуществование разных общественных систем» (дух Женевы). Почти в открытую провозглашая при этом цели мирового господства, цели победы в мировой войне.

Тем не менее сегодня мы живем в эпоху Нюрнберга. Что такое Нюрнберг? Это паллиативное, несовершенное, но выстраданное человечеством понимание: для того, чтобы защитить человеческую культуру от нашествия новых варваров, необходимо понять, что варвары – против культуры потому, что они принципиально находятся вне ее. А значит, для борьбы с ними необходимо выходить за рамки культуры. Уметь действовать на чужой территории.

Логика Нюрнберга – это противоречащее всем нормам традиционного международного права юридическое (и физическое) уничтожение административно-политической верхушки побежденного в ходе войны террористического государства. Логика Нюрнберга – это превентивное интернирование немцев и японцев в демократической Америке, это жесткие преследования коллаборационистов в послевоенной Европе, это судебный процесс над 97-летним нобелевским лауреатом, крупнейшим норвежским писателем, всего лишь идейным коллаборационистом Кнудом Гамсуном. Логика Нюрнберга, между прочим, – это смертный приговор, вынесенный (и приведенный в исполнение) газетчику Юлиусу Штрайхеру приговор, приравнявший медийно-идеологическое сопровождение холокоста к военным преступлениям, к геноциду. Логика Нюрнберга – это положения многих европейских и мировых конституций и уголовных кодексов, допускающих смертную казнь в военное время. В общем, логика Нюрнберга – это логика самообороны человечества.

«Норд-Ост» и Беслан наглядно продемонстрировали, что сегодня мир и Россия охвачены мюнхенским синдромом: опаснейший дефицит инстинкта самосохранения обезоруживает нас перед прямой и явной угрозой, выбивает из рук дееспособный механизм самозащиты по нюрнбергскому варианту.

Тот факт, что в России кончились и послевоенное, и предвоенное времена и наступило время военное (причем наступило уже довольно давно), истерически вытесняется массовым сознанием. Психология политического класса пронизана духом коллаборационизма. В стране, потерявшей почти 30 миллионов жизней своих граждан на войне с нацизмом, не преследуется нацистская идеология. В государстве, вот уже десять лет ведущем войну с представителями международного террористического интернационала, идеология этого интернационала в ее погромном выражении открыто пропагандируется лауреатом премии «Национальный бестселлер» Александром Прохановым. И эту заслуживающую судьбы Штрайхера мерзость в открытую поддерживает еврей Борис Березовский. Честно говоря, данный ни от кого не скрываемый

факт ничуть не менее поражает своей кощунственностью, чем гипотетические контакты русского Березовского с чеченскими террористами. На этом российском фоне провоцирующей бандитский беспредел безнаказанности нравственная тупость, зашоренность и роботизация западного массового сознания поражают. Дания (где в 2002 году, вскоре после «Норд-Оста», собрались «сторонники независимой Ичкерии») сама по себе не так шокировала покровительством промасхадовскому сборищу, как тот факт, что представители передового отряда международных погромщиков собрались в Копенгагене за счет датской организации фонда «Холокост» (так, во всяком случае, утверждали официальные источники).

К сожалению, казус с подгнившим королевством – это не самое печальное свидетельство полной и окончательной утраты массовым сознанием европейско-американской цивилизации способностей к адекватному осознанию реальности. Минувшие десятилетия стали годами предельной ритуализации социально-политического поведения европейцев и американцев, годами сознательного (или неосознанного) отказа от любых интеллектуальных усилий, выходящих за рамки упрощенных идеологических мифов.

Развитие мирового информационного фона вокруг Беслана и «Норд-Оста» еще раз продемонстрировало патологическую каучковую упругость западных лидеров общественного мнения: искреннее и понимающее сопереживание продержалось и в том и в другом случаях в большинстве европейских и американских СМИ не более двух суток.

В те черные дни мы не услышали (за одним исключением) почти ни от кого ни одного подлинно дружественного слова поддержки, хотя бы отдаленно сравнимого по накалу и масштабу с теми словами, которые произнес президент Путин в первые же часы после трагедии 11 сентября 2001 года. Формальные вежливые расшаркивания, да и то – в большинстве случаев – оскверненные разглагольствованиями о «политическом урегулировании в Чечне», которые превращают слова поддержки в издевательскую демонстрацию покровительства басаевским бандитам. И это – не только Дания. Но и Франция, и Германия, и – казалось бы – союзные нам в этой ситуации Штаты.

Исключением стал Израиль. И это не случайно. В каком-то смысле параллельное развертывание двух шахидских фронтов превратило Россию и Израиль в подлинные государства-изгои, подставленные и по большому счету преданные «иудео-христианской цивилизацией».

Ни одна из стран многочисленных «осей зла» не находится сегодня в состоянии такого политического и психологического одиночества, как Россия и Израиль. Социальная истерия, охватившая эгоистические и расслабленные цивилизованные страны, вытесняет из сознания и граждан, и политических элит понимание того страшного и дискомфортного обстоятельства, что мирное время кончилось в том числе и для них. Россия и Израиль много лет подряд ведут авангардные бои с силами атавистического террора, вызывая у глобалистского истеблишмента такое же раздражение, как оппозиционер Черчилль у Чемберлена и прочих британских мюнхенцев – до 1939 года.

«Странам-изгоям» навязывают гибельные для них политические переговоры с палачами и погромщиками. Против России и Израиля выстраивается своеобразный коллаборационистский интернационал – «в пандан» к террористическому. Впрочем, не стоит предъявлять к современным мюнхенцам слишком жестких претензий – обыватели имеют полное право держаться в стороне от фронта. Наша беда – и это еще один урок террористических атак, урок Беслана, – что именно через нас проходит передний край, фронт цивилизации в ее противостоянии варварству. Впрочем, в этом – не только наша беда.

РОЖДЕНИЕ НАЦИИ

Потому что главный урок Беслана – это урок исторического оптимизма, это импульс к подлинному национальному прорыву – через ответ на беспредельно жестокий и наглый вызов, брошенный российскому обществу.

Захваты Беслана и «Норд-Оста», ставшие грандиозной политической провокацией против путинского режима, не достигли своей цели – сокрушения этого режима, разрушения базы общественного доверия. Более того, развитие событий вокруг «Норд-Оста» неожиданно выявило, что на исходе второго «путинского» года в России действительно начала складываться определенная структура национальной государственности, включающая механизмы консолидации элит, политической и гражданской солидарности. В общем, структура, способная – к сожалению, пока что худо-бедно – действовать в кризисных ситуациях как единое целое, не чуждое ни чаяниям, ни потребностям, ни интересам граждан страны. Что же касается последствий Беслана, то они нанесли куда большую травму общественному сознанию – в том числе и потому, что выявили сохраняющуюся недееспособность власти, ее неготовность в полной мере взять на себя ответственность за выживание граждан страны. Но Беслан выявил и другое – понимание, пусть вынужденное, которое нашло себе дорогу в решениях и заявлениях президента. Понимание той глубинной связи, которая объединяет функциональную неэффективность системы власти и низкое качество политического класса и предъявляет их в качестве единственной причины беззащитности и несостоятельности государства.

Случайно ли, по точному ли расчету вдохновителей атаки на театральный центр в Москве в 2002 году, но удар, нанесенный по «первому русскому мюзиклу», выявил колоссальный потенциал нового, национального по своей природе, российского патриотизма. Литературная основа «Норд-Оста», между прочим, представляет собой явление, совершенно уникальное для русской литературы XX века. Роман «Два капитана» – единственное в этом веке произведение, сочетающее оптимизм (причем столь важный для массового сознания оптимизм легкого жанра), искренность, патриотизм и «неидеологичность», непроданность. Серапионову брату Каверину удалось удивительным, химически чистым способом выделить из духа чудовищной эпохи некий действительно присутствовавший в нем экстракт искренних, добрых, «русских» умонастроений и чувств. Но в результате возник единственный в своем роде эмоционально-смысловой «мостик» из «России, которую мы потеряли» в Россию, которую мы пытаемся найти, причем мостик не через пустоту, а через живую советскую историю. Неудивительно, что тонкие и точные выразители наиболее оптимистичных, энергетичных «переходных» общественных настроений 80-90-х годов Ивашенко и Васильев столь резонансно «повелись» на этот текст и положили его в основу, возможно, не вполне совершенного, не очень ровного и не всем вкусам удовлетворяющего, но действительно национального, патриотического и позитивно ориентированного российского масскульта.

Так вот, сама природа захваченного бандитами объекта привела в движение очень своеобразные и давно уже не востребовавшиеся в российском обществе настроения, эмоции, ожидания, хорошо иллюстрируемые энергично-сентиментальным звукорядом «Норд-Оста». Настроения взаимной поддержки, сострадания, сопереживания, устремленные не в себя и не в прошлое, а наружу и в будущее. Трагедия показала, что плачут в России не только богатые (и нищие), но и нормальные, и что такие – нормальные – есть, и что их очень много.

Другое дело, что – в-третьих – эти «нормальные русские» вышли из «Норд-Оста» – а потом из Беслана – с очередной тяжелейшей нравственной травмой. Травмой, порожденной не только жестокостью ичкерийских палачей, не только масштабом смертей (не будем пока гадать, чья и какая вина в этих смертях). Но и новой, особенно шокирующей демонстрацией старой социальной неоднородности нашего общества.

Потому что в условиях неожиданно грамотного, неистеричного поведения некоторых политиков (даже депутатов!), в условиях, когда у страны появилось сразу несколько новых героев (таких, как доктор Рошаль, например), особенно кургузо и оскорбительно предстали уродливые рецидивы типичного номенклатурного хамства, традиционного для нашей номенклатурной бюрократии убогого непрофессионализма, неспособности решать элементарные, очевидные задачи. Многочасовые оскорбительные очереди вокруг больниц, грубости из серии «вас много, а я одна», неспособность организовать работу с пострадавшими, дурная секретность и прочие родовые черты российско-советской бюрократии после «Норд-Оста» – и катастрофическая разбалансировка всех уровней управления кризисом в Беслане – как никогда очевидно выявили архаическую природу системы власти, ее несоответствие настроениям и возможностям страны.

Стало особенно ясным, что старая, феодально-бюрократическая, номенклатурная опричнина исчерпала свой ресурс вместе с ресурсом имперской бюрократической государственности. Эпоха «Третьего Рима» безвозвратно уходит в прошлое.

И на ее развалинах виден – хотя пока что и смутно – контур новой России. Скорее, не «Третьего Рима», собирающего и блюдущего все сопредельные народы, а «Нового Израиля», народа избранного, выполняющего особую высокую миссию.

Этот образ – всего лишь образ. Он не этноцентричен и не религиозен (новая российская нация – как и всякая подлинная нация – может быть только полиэтничной). Он просто вырастает из той тоски по жизни в общей для всех ее граждан родной стране, которая так отчетливо прозвучала в общественных настроениях последних лет. По жизни, которая в последние годы (годы «путинского режима») – вопреки всему – вдруг показалась возможной.

ПЕРЕВЕРНУТАЯ ПИРАМИДА ВЛАСТИ

Город-морок, который теснится и располагается вокруг, как и все прочие города на матушке-Руси, стоит здесь ради двора, ради чиновников, ради купечества; однако то, что в них живет, это есть сверху – обретающая плоть литература, «интеллигенция» с ее вычитанными проблемами и конфликтами, а в глубине – оторванный от корней крестьянский народ со всей своей метафизической скорбью... Между этими двумя мирами не существовало никакого понимания, никакого прощенья.

Освальд Шпенглер. «Закат Европы»

На кого опирается Путин? – Средний класс в России: попытки рождения. – «Новые средние» как двигатель социальной реанимации. – Россия и Аргентина: миф о либеральных реформах. – Старый новый стиль российской модернизации. – Мифология стратегических разработок. – «Первое лицо» как единственный источник устойчивости режима.

За эти последние годы ничего особенного в России не произошло. Ничего радикального, ничего необратимого не сделал Путин ни в одной сфере общественно-политической жизни – ни в управлении армией и спецслужбами, ни в информационной политике, ни в формировании государственной идеологии. Но ощущение необратимости давит со всех сторон.

Пирамида власти выстроилась быстро. Более того, можно предположить, что план строительства пирамиды власти превосходен, единственно возможен, а команда, призванная для этого строительства, – команда оптимальная, квалифицированная и дружная. Одна беда: пирамида по самой своей структуре – такая фигура, что ей очень трудно и опасно стоять на голове. То есть на верхушке.

А именно такой перевернутой пирамидой власти и является режим президента Путина. Потому что в 2000 году раздраженное общество и оскандалившийся политический класс побыстрому вернули президенту всю ту ответственность, которая хотя бы в какой-то мере принадлежала им в прежние годы. Потому что сегодня вожаемая стабильность России – это стабильность огромной пирамидальной глыбы, чудом балансирующей на голове одного-единственного человека. Потому что не может благополучие и устойчивость огромной державы на 100 % зависеть исключительно от способностей, настроений, взглядов и действий одного-единственного человека.

Может быть, Владимир Путин – самый лучший политик в мире. Но один человек не может быть основой государственности. Более того, один человек, на которого острием давит огромная пирамида власти с основанием, болтающимся в воздухе – будь это Путин, будь это Юлий Цезарь или Шарль де Голль, – не имеет никакой иной перспективы, кроме как стать символом и вождем краха. Потому что пирамида, стоящая на верхушке, обречена на то, чтобы рухнуть, сметая все и всех на своем пути, – просто по законам физики. А власть, не распределенная в той или иной степени по всем этажам общества – сколь бы благонамеренным и мудрым ни был ее источник, – обречена на скорое превращение в самый жестокий тоталитаризм.

Вот почему сегодня, когда первый срок президентства Путина завершен, второй приближается к середине, а главной темой обсуждений стала тема «преемства», оказывается, что подготовка к главному еще не завершена. И мы до сих пор не знаем, может ли в России быть создано эффективное гражданское общество, переворачивающее «пирамиду власти» острием кверху, общество, в котором каждая социальная группа, каждый взрослый человек несет свою долю социальной и политической ответственности. Наверное, может. Но только в том случае, если найдется хотя бы несколько членов этого самого гражданского общества – людей, которые

искренне и жестко предъявят свои права на свою долю свободы. И эти люди либо есть, либо их нет. Вот в чем суть проблемы «режима Путина».

ИГРА В «СРЕДНИЕ КЛАССЫ»

«Средний класс» в России пытался родиться трижды. В первый раз на эту роль – роль слоя, объединяющего экономически активное, социально солидарное, культурно и ценностно ориентированное население, – претендовало то самое «неноменклатурное большинство» страны, которое обеспечило почти 60-процентную поддержку Ельцину на выборах президента РСФСР и провалило путч ГКЧП. Этот «советский средний класс» объединял практически все образованное население страны: научно-техническую и творческую интеллигенцию, инженерно-технических работников, врачей, учителей, средних и младших офицеров вооруженных сил и правоохранительных органов, квалифицированных рабочих, а также представителей нижнего и среднего уровней партийно-хозяйственной номенклатуры – под знаменитым кавээновским лозунгом 1988 года: «Партия, дай порулить!»⁷

Активизация «советского среднего класса» в конце 80-х годов была социально-психологической реакцией на сложившуюся в СССР систему. Система исчерпала свой ресурс самосохранения, оказалась лишена обратных связей: с одной стороны, требования жизни (прежде всего экономическое и военное соревнование с Западом в условиях НТР) обусловили резкий рост квалификации, интеллектуального уровня и, следовательно, самосознания и амбиций «образованного большинства» советского общества, с другой стороны – все рычаги власти, управления, а главное, распределения оставались в бесконтрольном ведении партгосноменклатуры. Более того, даже на демонстрационно-пропагандистском уровне общественной организации (например, квоты на прием в КПСС или на выборы в Советы) сохранялась давно утратившая всякий смысл имитационная дискриминация «советских средних» в пользу якобы «правлящего» пролетариата.

Стремление к социальному реваншу, ставшее стержнем общенародного подъема в конце 80-х годов, было окрашено в эмоционально привлекательные тона, поскольку «номенклатура» представляла главной и единственной преградой на пути к тотальному улучшению качества и наполненности жизни.

Однако советский средний класс был именно советским средним классом. Несмотря на достаточно высокий культурный уровень, несмотря на активное и подробное общественное обсуждение перспектив перехода от «командно-административной системы» к «рыночному хозяйству», на уровне «коллективного бессознательного» советский средний класс сохранял атавистические, патерналистские представления о роли и месте государства как неограниченного источника власти и благ. Общественное движение конца 80-х годов только силой собственной инерции и политической логики превратилось в «демократическое движение» – довольно долго в массе своей это было в чистом виде движение социального реванша с достаточно примитивной мотивацией: нужно убрать «плохих» людей (то есть «их») и на их место поставить «хороших» (то есть «нас»).

⁷ Имелся в виду популярный советский плакат «Партия – наш рулевой». Центральным политическим лозунгом массовых митингов 1988–1990 годов стало требование отмены «шестой статьи» – статьи Конституции СССР, в соответствии с которой коммунистическая партия провозглашалась «руководящей и направляющей силой общества, ядром его политической системы» (реально шестая статья была отменена III съездом народных депутатов СССР в начале 1990 года одновременно с введением поста президента СССР). Вместе с тем следует отметить, что первоначально призыв «Партия, дай порулить!» (автор – участник команды КВН Новосибирского университета Константин Наумочкин) воспринимался как ироничная, но вполне доброжелательная просьба, обращенная к единственному в стране субъекту, имеющему право и возможность «дать порулить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.